

From the History of the Process of the Formation of Russian Legal Terminology of the 14th - 17th Centuries

Chashchina Elena Anatolyevna¹

Professor of Adam Mickiewicz University in Poznań,
Poznan, Poland

(date of receiving: April, 2019; date of acceptance: September, 2019)

Abstract

The article is devoted to the description of the process of the formation of legal lexicon in the Russian language of the 14th — 17th centuries. In the earlier documents of the ancient Russian period crimes are called “*зло, грех, проказа, пакости, ослушание*” etc. Criminals who have committed unlawful actions are called “*ослушники*” and “*злодеи*”. In the future criminal actions are differentiated according to the signs: committed against the person or property, intentional — unintentional, and the first time or repeatedly. The author in the article analyses terminology of crimes against property. Criminal acts are called in legal texts “*разбой, татьба, грабеж*” etc. Persons who commit crimes are called “*разбойник, тать, грабежник*” etc. Important criteria for naming the perpetrators of the theft are the crime scene and the character of the stolen things: “*церковный тать, кромский тать, клетный тать, коневый тать*” etc. The vocabulary is analysed from the point of view of origin, semantics and the sphere of use.

Keywords: Historical Lexicology, Lexical Meaning, Juridical Lexicon, Ancient Russia, Moscow State.

1. E-mail: jelena.ch@mail.ru

Из истории процесса формирования русской правовой терминологии XIV – XVII вв.

Чащина Елена Анатольевна¹

Профессор, Познаньский университет им. Адама Мицкевича,
Познань, Польша

(дата получения: апрель 2019 г.; дата принятия: сентябрь 2019 г.)

Аннотация

Статья посвящена особенностям процесса формирования правовой лексики в русском языке XIV – XVII вв. В ранних источниках древнерусского периода противоправные действия разного рода именуются лексемами обобщенного характера, такими как *зло*, *грех*, *проказа*, *пакости*, *ослушание* и т.п. Преступники, совершившие противоправные действия, представлены в источниках *ослушниками* и *злодеями*. В дальнейшем преступные действия дифференцируются, причем фиксируется лексическое отражение преступлений, различающихся по признакам: совершенное против личности или собственности, умышленное – неумышленное, а также совершенное впервые или повторно и др. В статье рассматривается терминология преступлений против собственности. Преступные действия данного свойства обозначаются в правовых текстах лексемами *разбой*, *татьба*, *грабеж* и др. В качестве наименований их субъектов используются существительные *разбойник*, *тать*, *грабежник* и т.п. Важными критериями при наименовании лиц, совершивших кражу, являются место преступления и характер украденного: *церковный тать*, *кромский тать*, *клетный тать*, *коневый тать* и др. Лексика в статье анализируется с точки зрения происхождения, семантики, процесса терминологизации и сферы употребления.

Ключевые слова: Историческая Лексикология, Лексическое Значение, Лексика Права, Древняя Русь, Московское Государство.

1. E-mail: jelena.ch@mail.ru

Введение

Процесс формирования правовой лексики в истории русского языка являлся длительным и сложным. На разных его этапах наименования противоправных действий и лиц, их совершавших, менялись под воздействием многих причин, в том числе под влиянием взгляда на само преступление и его субъекта. В ранних источниках древнерусского периода, например, в Договорах Руси с Византией 911 года, разного рода преступные действия именовались лексемами обобщенного характера, такими как *проказа*, *злодеянье*, *согрешенье* и др. (Георгиевский 2013. 160). «Явные преступники, обличенные несомненными доказательствами и долженствовавшие понести наказание по закону и приговору суда», в правовых документах той эпохи именовались *злодеями* (Самоквасов 1908. 148).

После принятия христианства на древнерусское законодательство значительное влияние оказала Русская православная церковь, по канонам которой нарушение закона воспринималось как посягательство на божественные установления, то есть являлось грехом. Как отмечает Э.В. Георгиевский, «в различные периоды церковью употреблялись следующие термины: *злое дело*, *богомерзкое дело*, *беззаконие*, *досада* и ... *законопреступление* или *преступление Закона Божьего*» (Георгиевский 2013. 168). Самых же преступников духовенство именовало исключительно *злыми людьми* (Чебышев-Дмитриев 1862. 117). Таким образом, совершенное преступление рассматривалось не только как причинение материального ущерба, но, прежде всего, как грех и нарушение закона, то есть непослушание. В связи с этим запрещенное законом деяние именовалось термином *ослушание*, а преступники – лексемами *непослушник* или *ослушник*. Само действие – нарушить закон – значило *ослушаться* (Там же. 182). В Уложении царя Алексея Михайловича 1649 г. говорится: *А будет такой непослушникъ учинить такъ же и въ третие, у пристава ухоронится, или учинится*

приставу силен...; и приставу ездъ доправити безъ суда, да его же бити батоги и вкинути на месяц въ тюрьму (Тихомиров 1961). Историк А. Чебышев-Дмитриев приводит фрагмент указа 1626 года: *А будетъ учнутъ ослушаться и учнутъ на безлепицу ходить и государь указалъ техъ людей имать и за ослушание битъ кнутом по торгомъ»* (Чебышев-Дмитриев 1862. 190-191).

В московский период преступление получает наименование *лихое дело*, а преступник становится *лихим человеком*. Однако в правовой сфере появляется необходимость дифференциации преступных действий, различавшихся по признакам: совершенное против личности или собственности, совершенное впервые или повторно и т.д., что повлекло за собой появление соответствующей терминологии. Далее мы рассмотрим наименования некоторых преступлений против собственности, к которым относились *татьба, грабеж, разбой*, и их субъектов.

Основная часть

Одним из преступлений против собственности в современном российском праве является кража, под которой понимается «тайное хищение чужого имущества» (Додонов 1999. 322). В русском языке используется с той же семантикой существительное *воровство*. Отметим также лексему *вор* – ‘тот, кто ворует, совершает кражи’ (Евгеньева 1981. 211).

В Древней Руси для обозначения преступного деяния – хищения чьей-либо собственности – используется глагол *взять*: *аще ли възьль будетъ, да заплатит сугубо* (Если украдет, то заплатит вдвойне) (Зимин 1952. 32). В дальнейшем этот глагол встречается в составе словосочетания неопределенного характера *кто что възьмет*: *А кто у них в монастыре и въ монастырских деревнях станут силно или кто что възьмет, или кто чемъ изобидит, и тому от нас, великого государя, царя и великого князя Ивана Васильевича всеа России,*

быти в казни (Каштанов 1996. 160). В ранних источниках употребляется также глагол *украсть*: *Аще ли ключится украсти Русину отъ Грек что, или Грьчину от Руси, достоино есть да възратитъ е не точью едино, но и цену его* (Если украдет русин у грека или грек у русина, то справедливость требует, чтобы он возвратил не только украденную вещь, но и ее цену) (Зимин 1952. 32). Отметим, что украденная вещь здесь никак не конкретизируется. В Русской Правде иногда перечисляются предметы хищения с указанием суммы штрафа: *украдено у него что, или конь, или порт, или скотина; Аже кто украдетъ въ чьемъ перевесе ястребъ или сокол...* (Там же. 111, 116).

Однако в правовых текстах появляется специальный глагол со значением 'красть' – *татьбити*: *Не татьбитъ ни лукошки, ни кадки* (Срезневский 1912. 928). Соответственно, с семантикой 'воровство, кража' и 'вор' используются существительные *татьба* и *тать*. В Договоре Руси с Византией 911 года в статье 6 говорится: *Аще украдетъ Русин что любо у Хрестиана или паки Хръстян у Русина, и ят будетъ в том часе тать, егда татбу сътворитъ...* (Если русский украдет что-либо у христианина или же христианин у русского и будет схвачен вор в то самое время, когда совершает кражу...) (Зиновьев 1952. 7). Термин *татьба* являлся многозначным и обозначал также 'то, что украдено', о чем говорится в Псковской судной грамоте: *А которой человекъ с приставомъ приедетъ на двор татя имать и татбы искать* (Срезневский 1912. 927). Третье значение лексемы – 'дело о краже', с чем связано словосочетание *поехать на татьбу* – 'производить следствие для отыскания похищенного'. В том же документе читаем: *А которой приставъ поедетъ на татьбу, ино ему езд имати вдвое, платить татю виноватому...* (Там же. 928). Здесь следует пояснить, что на ранних этапах развития права существовал закон о неприкосновенности жилища. Каждый человек, находясь в собственном доме, был защищен настолько, что даже представители судебных органов не могли войти без его согласия. В соответствии с

германским правом, если подозреваемый в убийстве прятался в доме, то его не могли арестовать. В этом случае проводили судебное заседание непосредственно перед домом, а он защищал себя из окна. Затем этим правом иммунитета обладали феодалы. Хозяин мог укрывать обвиняемого в преступлении в своем доме, но срок ограничивался 6 неделями и 3 днями. За это время беглец дожидался решения суда или имел возможность примириться с потерпевшими (Дьяконов 1905. 16-17). В русском праве тоже прослеживается такое правило, в частности, в Русской Правде говорится: *Или холоп ударить свободна мужа, а бежить в хором, а господин начнет не дати его, ... да платить господин за нь* (Зимин 1952. 78). Возвращаясь к указанному фрагменту Псковской судной грамоты, остановимся более подробно на его содержании. В документе говорится о том, что если приставы поедут *искать татьбы*, т.е. проводить обыск, и, придя в дом, скажут: *приехали есмы на дворъ татбы обыскивати, – и тотъ человекъ намъ не даять обыскивати и в хоромы насъ не пустили и съ двора согнали* (Зимин 1953. 293-294). Как видим, если человек не дал согласия на обыск, то приставы не могут войти в дом. М.А. Дьяконов приводит фрагмент дела 1602 года по розыску некоего Губы Белоносова, в котором говорится о том, что сотский с потерпевшим... пришли к Белоносове жене и сотский спросил у нее: «Дашь ли ты двор на обыск?». И Улита двор на обыск дала, и тут искали и не нашли... И пришли к Еремею, и сотский спрашивал: «Еремей! Дашь ли ты двор на обыск Губы искати?» И Еремей дал на обыск, и у Еремея не нашли ж (Дьяконов 1905. 18-19).

В Русской Правде термин *татьба* фиксируется с четвертым значением – ‘стоимость украденного’: *Аже не будетъ следа или къ селоу или к товару, а не отсочать от себе следа, ни едутъ на след, или отобиються, ть темь платити татбоу и продажю* (Срезневский 1912. 928). В этом фрагменте речь идет о том, что те, кто не смогут оправдать себя при предъявлении обвинения

в краже, будут выплачивать стоимость украденного и штраф в пользу князя.

Прилагательное *татебный* в источниках фиксируется с двумя значениями:

1) 'относящийся к воровству, к краже; подстрекающий к воровству': *Зьлокъзливый татебный бесъ*; 2) 'краденый': *А у кого что познають татебное, и тотъ съ себя сведетъ ..., а продажи ему в томъ нетъ* (Там же). Этимология слова *татебный* восходит к корню *таить*, что подтверждает его семантику – 'вор, совершающий кражу не открыто, тайно' (Черных 1999. 224). Исследователи отмечают еще одно значение этого термина – 'браконьер': «Татебный был не просто вором, но являлся также браконьером» (Кочин 1934. 6). Этот термин используется в Русской Правде, когда речь идет о краже бобра. За хищение этого животного предусматривалось большое наказание – выплата штрафа, размер которого соответствовал штрафу за убийство холопа. По всей видимости, это было обусловлено тем, что бобер являлся ценным животным, так как пушнина составляла одну из важных статей дохода в то время. Существует еще одно объяснение: бобры являлись собственностью князя, охота на них нарушала княжеские права (Киржаева и др. 2014. 161).

В законодательных актах использовались терминосочетания с лексемами *татеба* и *татебный*, которые содержали дополнительную информацию о том, что именно было украдено, где состоялась кража и кем была совершена: *церковная татеба*, *церковный татебный*, *кромский татебный*, *клетный татебный*, *коневый татебный* и др. О *церковной татебе* говорится в Уставе князя Владимира, под которой понимается кража в церкви (Зимин 1952. 241, 250). За это преступление предусматривалось суровое наказание, которое, по мнению М.А. Исаева, объяснялось сакральным характером такой кражи в языческую эпоху: «Вор как бы покушался еще на домашних божков, ларов, как их называли римляне; у славян они чаще всего именуются домовыми» (Исаев 2001. 107). Тот, кто совершил кражу в церкви именовался *церковным татебным*. В Соборном

Уложении 1649 года говорится: *А церковных татей казнить смертию же безо всякого милосердия, а животы их отдавати в церковныя татьбы* (Тихомиров и др. 1961). С хищением церковных ценностей связана лексема *святотатство*, в составе которой содержится корень *-tat-*, и означала она 'похищение святыни'.

Словосочетание *кримский (кромский) тать* встречается в Псковской судной грамоте: *А кримскому татю и коневому и переветнику и зажигалнику тем живота не дати* (Зимин 1953. 287). В связи с тем, что Псковский Кремль именовался как *Крем / Кром*, а в нем хранились запасы и государственная казна, то исследователи определяют семантику данного словосочетания как 'вор, совершивший кражу в Кром, то есть в Псковском Кремле' (Киржаева и др. 2016. 113). М.А. Исаев расширяет семантику данного терминосочетания и рассматривает *кримского татя* как церковного вора в связи с тяжестью наказания – смертной казнью (Исаев 2001. 107). В «Словаре русского языка XI – XVII вв.» *кромский тать* фиксируется со значением 'вор, обкрадывающий дома' (Филин и др. 1981. 72).

Клетным татем именуется тот, кто крадет из клетки, кладовой, амбара и других хозяйственных построек, о чем свидетельствует 35 статья Русской Правды: *Аже кто познаеть свое, что будет погубил или украдено у него ...но поиди на свод, где еси взяль; сведитесь, кто будет виновать, на того татьба сидеть, тогда онъ свое возьмет ... пакы ли будет клетный тать, то 3 гривны платити ему* (Зимин 1952. 111). Двусоставное наименование *коневый тать* обозначало конокрада: *аче будет коневый тать, а выдати князю на поток* (Там же). За кражу коня устанавливалось одно из самых суровых наказаний – *поток*, которое предусматривало лишение человека покровительства закона, а также изгнание его за пределы земли и продажу в рабство. Это наказание представляло собой отголосок византийского права (Дьяконов 1905. 26). В Псковской судной грамоте в статье 7 за кражу коня

назначается смертная казнь: *А кримскому татю и коневому... тем живота не дати* (Зимин 1952. 111). М.А. Исаев подчеркивает: «в России конокрадство считалось в обычном праве самым тяжким преступлением, и общины (миры) вплоть до Октябрьской революции 1917 выносили своей властью конокрадам смертные приговоры и сами приводили их в исполнение» (Исаев 2001. 107). Конокрады, как правило, если не были пойманы, совершали преступления неоднократно, то есть являлись рецидивистами.

Конечный тать – ‘настоящий вор’, ‘тот, кто виновен’ (Там же). Согласно древнерусскому праву, если какой-то человек обнаруживал украденную вещь или раба, то он должен был идти по следу, то есть выяснять, как попала эта вещь или раб к тому, у кого он ее нашел. Последний человек в этой цепочке, который не сможет объяснить, как он стал владельцем, будет считаться вором и понесет наказание. В статье 38 Русской Правды говорится: *О челядине. Аще познаеть кто челядинъ свои украден, а поиметь и, то оному вести и по кунамъ до третьяго свода; пояти же челядинъ въ челядина место, а оному дати лице, ать идетъ до конечняго свода, а то есть не скоть, не лзе речи: не веде у кого есмь купилъ, но по языку ити до конца; а где будетъ конечнии тать, то опять воротить челядина, а свои поиметь, и проторъ тому же платити, а князю продаже 12 гривне въ челядине или украдише* (Зимин 1952. 112). Повторное или неоднократное совершение преступлений находило отражение в терминосочетании *тать ведомый* со значением ‘пользующийся известностью’, ‘тот, о котором осведомлены’ (Бархударов 1975. 48).

Существительное *воровство* появляется в русском языке в XVI в. Особенно употребительной эта лексема была в частных жалобах – челобитных, которые в значительной степени отражали разговорную речь той эпохи. Приведем примеры: *И буде, государь, те беглые крестьяни где объявятца на татбе или на розбое, или на каком воровстве, и тебе б, государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всея Руси, явка наша*

была известна (Горбушина 1994. 11); либо того Фетку где поймают на каком воровстве или на татбе (Там же. 92); ведомо про то великое воровство и про нашу бедность (Акты Холмогорской и Устюжской епархии 1894. 719). В этих контекстах *воровство* - преступление без какой-либо конкретизации. Как отмечает Н.Г. Благова, в законодательных актах XVII века *воровство* обозначает преступное деяние в целом: «Это и измена государству, и подделка документов, и преступления против личности, собственности, должностных лиц, незаконная продажа спиртного и т.п.» (Благова 1998. 55). Затем семантика этого термина сужается до современного значения ‘кража’, которое утверждается в языке с начала XIX века. Словосочетание *ведомый вор* означало преступника-рецидивиста, совершавшего противоправные действия неоднократно: *и оне, те сильные люди, учали его бити и топтати и поволокли съ улицы его подъ гору въ воду... Да и впредь, господа, те ведомые воры, сильные люди, похваляются на отца моего и на нас* (Акты Холмогорской и Устюжской епархии 1894. 670).

Э.В. Георгиевский обращает внимание на то, какую важную роль играли такие обстоятельства, как время совершения *татьбы* – день или ночь. Ночного *тата* дозволялось убить, что свидетельствует об использовании в праве общей системы двоичных противопоставлений, свойственной, в том числе, и архаической славянской мифологии. В германском праве противопоставление дня и ночи выражалось в том, что ночного вора вешали, а дневному отрубали голову (Георгиевский 2013. 177).

Еще одной архаичной оппозицией является способ совершения преступления – тайный или явный. Ко второму относится *грабеж* – ‘открытое похищение чужого имущества’. О грабеже говорится в статье 7 Договора Руси с Византией 911 года и используется слово *искус*: *О сем. Аще ли кто или Русин Хрестьянину или хрестьянин Русину мученья образом искус творити и насилье яви возметь что либо дружне* (Зимин 1952. 8). Как отмечает И.И.

Срезневский, здесь речь идет «о преступлении в роде воровства, соединенного с насилием, о грабеже или разбое (в нынешнем смысле этого слова)» (Срезневский 1893. 1123). Согласно данной точке зрения, эта фраза является буквальным переводом с греческого и означает морских разбойников – пиратов. Глагол *грабить* широко представлен в жалобах частных лиц московского периода: *И от их, государь, убойства и грабежу и от всякова их насилства нигде нам и женишкам нашим и детишкам проходу и проезду нет, везде бьют и грабят* (Горбушина и др. 1994. 93); *и тотъ Сергей за мною гонялся съ ножемъ и билъ меня и грабилъ* (Акты Холмогорской и Устюжской епархии 1894. 531); *и велите, государи, у него, Ивана, крепостеи прощать и почему он, Иван, нас грабит, и бьет, и увичит, и живот наш надсаждает, и без указу нас казнит* (Горбушина и др. 1994. 132); *И тот Федор Замыцкою, подметя на мне деньги, собрався с людьми своими и со крестьяны и учили, государь, меня бить и грабить в Шуе среди торгу* (Там же. 17). Встречается данный глагол с приставкой *вы-* *выграбить*: *тот Иван Карпов ... выграбил всякого хлеба сто четверте двацет, да отогнал у нас всякую животины коров и быков и овец болии сорока* (Там же. 15).

Термин *грабеж* использовался с двумя значениями, первое из которых – ‘грабеж, открытое хищение’. Приведем примеры: *И позналъ есми на томъ грабеже того Андрея зъ братомъ, а иныхъ есми его товарищевъ не позналъ* (Акты Холмогорской и Устюжской епархии 1894. 131). Второе значение – ‘то, что похищено, отнято силой’: *а грабежу, господине, будетъ сметка и убыткам моимъ всемъ писана въ челобитной* (Там же. 531); *А грабежу, государь, взять у меня пятьдесят рублев с полтиною денег* (Горбушина и др. 1994. 14); *А грабежу, государь, взяли у меня мерин* (Там же. 17). Лексема *грабежом* в значении наречия с семантикой ‘насиленно, посредством грабежа’ встречается в следующих контекстах: *И тотъ меня Павель стигъ со многими людьми незнаемыми да меня тутъ билъ и ограбилъ: снялъ зъ головы шапку*

голубу да сорвали съ бедры хамьянъ, а въ хамьяне 7 рублевъ денегъ, и всего живота грабежемъ взять на семь рублевъ съ четвертью (Акты Холмогорской и Устюжской епархии 1894. 532); А грабежомъ взяли они государя моего денежной казны сто тридцать рублев и два рубли с полтиною, да с меня, со Ондрюшки, взяли грабежомъ денег и платья на сорок пять рублев с полтиною (Горбушина и др. 1994. 13); И всего нашего живота тотъ Посникъ у насъ грабежемъ взять на 3 рубля съ четвертию (Акты Холмогорской и Устюжской епархии 1894. 588). Субъект данного преступного деяния именовался лексемами *грабительщик*, *грабежник*: *ино тотъ Федотъ намъ и боець и скоту нашему убоець же, и животу нашему грабительщик* (Там же. 757-758); *а татя, розбоиника, грабежника, душегубца, где имут, туто судят* (Бархударов и др. 1977, 112). Прилагательное *грабежный* – ‘захваченный грабежом’ – отмечено в составе словосочетания *грабежный живот* – ‘имущество, отнятое в результате грабежа’: *А грабежному животу будетъ перечень въ челобитной* (Акты Холмогорской и Устюжской епархии 1894. 670).

Разбой в современном российском праве – «одно из преступлений против собственности, самая опасная из насильственных форм хищения. Представляет собой нападение с целью хищения чужого имущества, соединенное с насилием, опасным для жизни и здоровья потерпевшего» (Додонов 1999. 576). Разбой в древности являлся ответной реакцией на совершенное преступление и выглядел следующим образом: пострадавший врвался в дом своего обидчика и начинал все там крушить, в процессе чего мог его и убить. Слово *разбой* имело значение ‘разгром кого-либо, чего-либо’, а глагол *разбивать* – ‘громить (разрушая запоры, ворота и т.п.), угрожая жизни людей, отнимая их имущество’. В московский период термин *разбой* приобретает значение, близкое к современному: *А наши намесницы володимирские и волостели талшенские, и ихъ тиуни тех моих бортниковъ не*

судят ни в чем, опричь душегубства и розбоя с поличным, и кормов своих на них не емлют и не всылают к ним ни по что (Каштанов 1996. 169). Глагол *разбить* встречаем в одной из частных жалоб: *В нынешнем, государь, во 155-м году марта против 25-го числа в ночи разбили, государь, меня, сироту, разбойники незнаемые люди и сынишка моего Микитку и ево жену Оленицу жгли и мучили* (Горбушина и др.1994. 93). Субъект данного преступления – *разбойник*, то есть ‘тот, кто промышляет разбоем, грабежом’: *Да они же, государь, разбойники взяли пять пуд меду, да выламали шестеры пчелы* (Там же. 94).

Заключение

В процессе своего развития русская правовая терминология претерпела значительные изменения. Лексика, связанная с преступлениями против собственности, на ранних этапах носила синкретичный характер. Затем происходит дифференциация видов преступлений по различным признакам, например, совершено оно тайно или явно, с применением насилия или нет, в соответствии с чем формируется целый ряд лексем *татьба*, *грабеж*, *разбой* и др. Субъекты преступлений именуется терминами *тать*, *грабежник*, *грабительщик*, *разбойник* и др. Для обозначения субъекта преступления также используются терминосочетания, содержащие информацию о характере краденого и месте кражи *церковный тать*, *клетный тать*, *кримский тать* и др. Повторность преступлений находит отражение в словосочетаниях *ведомый тать*, *конецкий тать* и др. Затем многие из перечисленных лексем уходят из языка, в том числе и из сферы права. Значительные семантические изменения коснулись лексемы *воровство*: когда-то она обозначала преступление вообще, а в настоящее время означает ‘преступно присваивать, похищать чужое’. Для многих лексем характерна полисемичность, о чем свидетельствует, например, существительное *татьба*. В заключение хотелось бы подчеркнуть, что

значение отдельных терминов остается до конца не ясным и дискуссионным, например, терминосочетания *кримский (кромский) тать*, существительного *искус* и др., что подтверждает необходимость дальнейшего изучения русской правовой терминологии.

Литература

- 1- *Акты Холмогорской и Устюжской епархии (1894), часть II. Русская Историческая Библиотека*, т. XIV. Санкт-Петербург.
- 2- Бархударов С.Г., гл. ред. (1975). *Словарь русского языка XI - XVII вв.*, вып. 2. Москва: Изд-во «Наука».
- 3- Бархударов С.Г., гл. ред. (1977). *Словарь русского языка XI-XVII вв.*, вып. 4., Москва: Изд-во «Наука».
- 4- Благова Н.Г. (1998). *Лексика и фразеология памятников русского права XVII века (На материале Уложения 1649 г.)*. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербургского ун-та.
- 5- Георгиевский Э.В. (2013). *Формирование и развитие общих положений древнерусского уголовного права*. Москва: Изд-во «Юрлитформ».
- 6- Горбушина Н.В., Данилова Л.В., Индова Е.И., сост. (1994). *Крестьянские челобитные XVII века: Из собраний Государственного Исторического музея*. Москва: Изд-во «Наука».
- 7- Дьяконов М.А. (1905). *Очерки истории русского права. История уголовного права и судопроизводства*. Юрьев.
- 8- Додонов В.Н., Ермаков В.Д., Крылова М. (1999). *Большой юридический словарь*. Москва: Изд-во «ИНФРА – М».
- 9- Евгеньева А.П., гл. ред. (1981). *Словарь русского языка*, т. 1. Москва: Изд-во «Русский язык».
- 10- Зимин А.А., сост. (1952). *Памятники права Киевского государства X-XII вв. // Памятники русского права*, под ред. С.В. Юшкова, вып. 1. Москва: Государственное издательство юридической литературы».
- 11- Зимин А.А., сост. (1953). *Памятники права феодально-раздробленной Руси XII-XV вв. // Памятники русского права*, под ред. С.В. Юшкова, вып. 2. Москва: Государственное издательство юридической литературы
- 12- Исаев М.А. (2001). *Толковый словарь древнерусских юридических терминов. От договоров с Византией до уставных грамот Московского государства*. Москва: Изд-во «Спарк».

- 13- Каштанов С.М. (1996). *Из истории русского средневекового источника (Акты X – XVI вв.)*. Москва: Изд-во «Наука».
- 14- Киржаева В.П., Якунченкова И.А. (2014). *Тать // Юридическая лексика русского языка XI-XVII веков. Материалы к словарю-справочнику*, вып. 1. Саранск: Изд-во «Саранского ун-та». С. 158-162.
- 15- Киржаева В.П., Якунченкова И.А. (2016). *Тать кри(о)м(ъ)ский // Юридическая лексика русского языка XI-XVII веков. Материалы к словарю-справочнику*, вып. 3. Саранск: Изд-во Саранского ун-та. С. 113-114.
- 16- Кочин Г.Е. (1934). *Указатель // Русская Правда по спискам: Академическому, Карамзинскому и Троицкому*. Москва; Ленинград
- 17- Самоквасов Д.Я. (1908). *Курс истории русского права*. Москва.
- 18- Тихомиров М.Н., Епифанов П.П. (1961). *Соборное уложение 1649 года*. Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649.htm> (Дата последнего обращения: 25.01.2018).
- 19- Срезневский И.И. (1893). *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*, т. I. Санкт-Петербург: Изд-во. «Отд-ния рус.яз. и словесн. Имп. АН».
- 20- Срезневский И.И. (1912). *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*, т. III. Санкт-Петербург: Изд-во. «Отд-ния рус.яз. и словесн. Имп. АН».
- 21- Филин, Ф.П., гл. ред. (1981). *Словарь русского языка XI - XVII вв.*, вып. 8. Москва: Изд-во «Наука».
- 22- Чебышев-Дмитриев А. (1862). *О преступном действии по русскому допетровскому праву*. Казань.
- 23- Черных П.Я. (1999). *Историко-этимологический словарь современного русского языка*, т. II. Москва: Изд-во «Русский язык».

Bibliography

- 1- *Akty Holmogorskoj i Ustjuzhskoj eparhii* (1894), chast' II. Russkaja Istoricheskaja Biblioteka, t. XIV. Sankt-Peterburg.
- 2- Barhudarov S.G., gl. red. (1975). *Slovar' russkogo jazyka XI - XVII vv.*, вып. 2. Moskva: Izd-vo «Nauka».
- 3- Barhudarov S.G., gl. red. (1977). *Slovar' russkogo jazyka XI-XVII vv.*, вып. 4., Moskva: Izd-vo «Nauka».
- 4- Blagova N.G. (1998). *Leksika i frazeologija pamjatnikov russkogo prava XVII veka (Na materiale Ulozhenija 1649 g.)*. Sankt-Peterburg: Izd-vo S.-Peterburgskogo un-ta.

- 5- Georgievskij Je.V. (2013). *Formirovanie i razvitie obshhih polozhenij drevnerusskogo ugolovnogogo prava*. Moskva: Izd-vo «Jurlitform».
- 6- Gorbushina N.V., Danilova L.V., Indova E.I., sost. (1994). *Krest'janskie chelobitnye XVII veka: Iz sobranij Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeja*. Moskva: Izd-vo «Nauka».
- 7- D'jakonov M.A. (1905). *Ocherki istorii russkogo prava. Istorija ugolovnogogo prava i sudoproizvodstv*. Jur'ev.
- 8- Dodonov V.N., Ermakov V.D., Krylova M. (1999). *Bol'shoj juridicheskij slovar'*. Moskva: Izd-vo «INFRA – M».
- 9- Evgen'eva A.P., gl. red. (1981). *Slovar' russkogo jazyka*, t. 1. Moskva: Izd-vo «Russkij jazyk».
- 10- Zimin A.A., sost. (1952). *Pamjatniki prava Kievskogo gosudarstva X-XII vv. // Pamjatniki russkogo prava*, pod red. S.V. Jushkova, vyp. 1. Moskva: «Gosudarstvennoe izdatel'stvo juridicheskoy literatury».
- 11- Zimin A.A., sost. (1953). *Pamjatniki prava feodal'no-razdroblennoj Rusi XII-XV vv. // Pamjatniki russkogo prava*, pod red. S.V. Jushkova, vyp. 2. Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo juridicheskoy literatury
- 12- Isaev M.A. (2001). *Tolkovyj slovar' drevnerusskikh juridicheskikh terminov. Ot dogovorov s Vizantiej do ustavnyh gramot Moskovskogo gosudarstva*. Moskva: Izd-vo «Spark».
- 13- Kashtanov S.M. (1996). *Iz istorii russkogo srednevekovogo istochnika (Akty X – XVI vv.)*. Moskva: Izd-vo «Nauka».
- 14- Kirzhaeva V.P., Jakunchenkova I.A. (2014). *Tat' // Juridicheskaja leksika russkogo jazyka XI-XVII vekov. Materialy k slovarju-spravochniku*, vyp. 1. Saransk: Izd-vo «Saranskogo un-ta». S. 158-162.
- 15- Kirzhaeva V.P., Jakunchenkova I.A. (2016). *Tat' kri(o)m(#)skij // Juridicheskaja leksika russkogo jazyka XI-XVII vekov. Materialy k slovarju-spravochniku*, vyp. 3. Saransk: Izd-vo Saranskogo un-ta. S. 113-114.
- 16- Kochin G.E. (1934). *Ukazatel' // Russkaja Pravda po spiskam: Akademicheskomu, Karamzinskomu i Troickomu*. Moskva; Leningrad
- 17- Samokvasov D.Ja. (1908). *Kurs istorii russkogo prava*. Moskva.
- 18- Tihomirov M.N., Epifanov P.P. (1961). *Sobornoe ulozhenie 1649 goda*. Rezhim dostupa: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649.htm> (Data poslednego obrashhenija: 25.01.2018).
- 19- Sreznevskij I.I. (1893). *Materialy dlja slovarja drevnerusskogo jazyka po pis'mennym pamjatnikam*, t. I. Sankt-Peterburg: Izd-vo. «Otd-nija rus.jaz. i slovesn. Imp. AN».

- 20- Sreznevskij I.I. (1912). *Materialy dlja slovarja drevnerusskogo jazyka po pis'mennym pamjatnikam*, t. III. Sankt-Peterburg: Izd-vo. «Otd-nija rus.jaz. i slovesn. Imp. AN».
- 21- Filin, F.P., gl. red. (1981). *Slovar' russkogo jazyka XI - XVII vv.*, vyp. 8. Moskva: Izd-vo «Nauka».
- 22- Chebyshev-Dmitriev A. (1862). *O prestupnom dejstvii po russkomu dopetrovskomu pravu*. Kazan'.
- 23- Chernyh P.Ja. (1999). *Istoriko-jetimologičeskij slovar' sovremennogo russkogo jazyka*, t. II. Moskva: Izd-vo «Russkij jazyk».

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Чащина Е. А. (2020). From the History of the Process of the Formation of Russian Legal Terminology of the 14th – 17th Centuries. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Jazyka I Literaturny*, 8(1), 49-65.

DOI: 10.29252/iarll.15.49

URL: <http://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/108>

پژوهشگاه علوم انسانی و مطالعات فرهنگی
پرتال جامع علوم انسانی

تاریخ شکل‌گیری اصطلاحات حقوقی روسیه در سده‌های چهاردهم تا هفدهم

یلنا آناتولیونا چاشینا^۱

استاد، دانشگاه آدام میتسکوویچ پوزنان،

پوزنان، لهستان.

(تاریخ دریافت: آوریل ۲۰۱۹؛ تاریخ پذیرش: سپتامبر ۲۰۱۹)

مقاله به بررسی ویژگی‌های روند شکل‌گیری واژگان حقوقی در زبان روسی در سده‌های چهاردهم تا هفدهم میلادی می‌پردازد. در اولین منابع و کتاب‌های دوره زبان روسی باستان مفاهیم و مصادیق بزهکاری با واژگان عمومی‌ای چون *зло, грех, проказа, пакости* و غیره (ترجمه به ترتیب: حقه، شیطنت، گناه، شرارت، نافرمانی) بیان می‌شدند. مفاهیمی چون «مجرم» به معنای شخصی که مرتکب بزه می‌شده است در منابع آن دوره با واژه‌هایی چون *ослушники* و *злодеи* (به معنای بزهکار) بیان می‌شوند. کمی بعد تعاریف جدیدی از مفاهیم بزهکاری ارائه شد و به دنبال آن واژگان جدیدی به وجود آمد که بیانگر ویژگی‌ها و تفاوت‌های اعمال و رفتارهای بزه بر اساس تفاوت در نشانه‌ها و ویژگی‌های آنها بود: اعم از آنکه ارتکاب بزه در ارتباط با شخصی بوده است و یا مالی، عمدی یا غیرعمدی بودن ارتکاب آن، و اینکه بزه ارتکابی برای اولین بار و یا چندمین بار بوده است. مقاله حاضر به بررسی و مطالعه اصطلاحات و واژگان مربوط به اعمال بزه مربوط به اموال می‌پردازد. اعمال بزه در این حوزه عموماً با واژگان و اصطلاحاتی چون *разбой, татьба, грабеж* (ترجمه به ترتیب: سرقت، سرقت، زورگیری، غارت) بیان می‌شوند. برای بیان شخص بزهکار از اسامی مهم‌ترین ملاک و معیار در انتخاب اسم بزهکاری که مرتکب دزدی و سرقت می‌شده است، محل ارتکاب جرم و ویژگی‌های مال مسروقه بوده است: *церковный тать, кромский тать, клетный тать, коневый тать* (ترجمه به ترتیب: سارق کلیسا، سارق منطقه کروم، سارق انبار، سارق اسب‌ها). در مقاله اصطلاحات و واژگان از نقطه‌نظر تاریخ پیدایش، معناشناسی، واژه‌سازی و ساخت اصطلاحات و حوزه‌های کاربرد آنها تحلیل و بررسی می‌شود.

واژگان کلیدی: واژه‌شناسی تاریخی، معنای واژگان، واژگان حقوقی، روسیه باستان، حکومت مسکو.